
АЛИНА ДАДАЕВА

**В УЗЕЛКИ
ЗАПЛЕТАЯ ШАРАДЫ**

Стихи

«ADIB»

Ташкент – 2014

УДК : 821.512.133-1

ББК: 84(5Ў)7

Д12

Ответственный редактор:

В.Васильев

Рецензент:

О.Суюндикова

*Книга рекомендована к печати отделом
по работе с творческой молодежью
Союза писателей Узбекистана и финансирована
фондом «Ijod».*

Дадаева, Алина

Д12 В узелки заплетая шарады: стихи/

А.Дадаева. – Ташкент: «Adib», 2014. - 48 с.

ISBN 978-9943-4277-9-2

УДК: 821.512.133-1

ББК: 84(5Ў)7

© А.Дадаева, 2014

ISBN 978-9943-4277-9-2 © Издательство «Adib», 2014

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

Издания серии «Birinchî kitobim» («Моя первая книга») стали важным событием в литературной жизни страны, а главное – дошли до широкого круга читателей.

Республиканские семинары молодых писателей, проводимые Союзом писателей Узбекистана, ежегодно открывают многие таланты. Традиционно издаются лучшие произведения, созданные в жанрах поэзии, прозы, драматургии, публицистики, детской литературы, литературоведения. Были отобраны и наиболее талантливые работы семинара 2013-го года. Теперь эти рукописи в виде миниатюрных сборников, таким маленьким чудом, преподнесены Вам, дорогой читатель.

Книги эти – результат внимания и заботы, оказываемых отечественной литературе. Надеемся, что они послужат основой для взлета и последующего высокого полета нашей одаренной молодежи.

* * *

Мальчик, скользящий по линии света
к линии свитка,
где черные буквы
перекрутились, как черные букли,
перекрутились, как клейкие листья.
Мальчик сутулый и чуточку лысый.
Мальчик глотает прозрачные капли.
А у виска две пожухшие каллы,
белые каллы
и горсточка риса.

* * *

Шорты в заплатках, травинка за ухом,
бабка Зулейка окликнет: Заинька!
на полурусском присвистнет: Олинка!
А на веревке у бабки – облако
сушится вместе с ажурной кофточкой,
и непонятно, что больше – лишнее.
Кошка сидит у конюшни в ступоре,
чашку разбила с вареньем тутовым.
Чешутся кони боками дряблыми,
кошка в тутовнике, кони – в яблоках.

* * *

Проснешься –
молочница звякнет крынкой.
На крышах дежурят печные трубы,
над трубами – облака.
Ноябрь придет
деловитый свиду,
по нитке распустит кленовый свитер,
мать ухнет сердито:
Ему бы, свину,
все пыль под дождем месить.
Достанет из шкафа кривое сито,
шаманя, сварганит пирог с капустой,
Я буду жевать и бурчать:
Невкусно...
Хоть вкусно-то было как!

* * *

Пыль на тахте,
на тарелке –
урючинки с солью.
Сонные ослики
солнце качают ушами,
шаткая тучка –
неловко впечатанный смайлик –
лыбится горько.
А в горле
приспущенный шарик,
шарик воздушный:
вдохнешь – и лети куда хочешь.
Тикают ставни,
а может, кузнечики.
В сточном
арыке,
как прочерк,
бульжник
проставлен.

* * *

Облака над домами –
темно и томно
распластались,
и город
ливрею чистит,
как безропотный сенешаль.
Кто-то бродит в потемках
походкой лисьей
по дубовым листьям,
корявым веткам
и катает в ладонях комочек глины.
А за городом ливень,
под ливнем – пустынь,
и старухи с крестами
шипят, как угли,
а Господь все играет
в кривые кегли
и смеется, бросая шар.

* * *

Из дому под вечер
с томиком
Стоуна, Ирвинга.
И рвешь у дороги сор фиалковый,
как вороватый хапуга.
Опухший глаз светофора
равнодушно моргает в спину.
Спи,
изнуренный хранитель крестов,
стоглавый Горыныч
в чешуйках машин
уже не помнит о вечном городе.
Уже не помнит о вечном.
Увечьем мысли –
слитны ль, раздельны,
а все льнут к смерти,
хоть под слоем косметики и улыбок.
Кабы вдруг пахнуло –
по-весеннему:
черепухой!
А повсюду – гарью,
да на небе дуга,
на беду, наверно,
отвернулась.
И нули над нею –
неудачный эскиз Винсента.

* * *

В кухне запахло тоской и настурцией,
Линия быта меж чашками тянется,
Небо над крышей угрюмо сутулится,
Плечи и бедра слились в очертаниях.

Чайник вскипает, надменный, насмешливый,
Нос задирает и пыжится, пыжится.
Я ли мечтала средь скуки и ветоши
Жить на шестке, будто курица рыжая?

Там, где дожди, как дурные пророчества,
Брызжут слюной и плюются над городом,
Воспоминания, светлые, прочие,
Хлещут крапивой и ветками голыми.

А за окном ошалевшее прошлое
Смотрит, как будто узнать не решается.
Пыль на лету меж ресницами шарится.
Эй, принесите мне веник с калошами!

* * *

Купила шашки
на барахолке, в пятницу.
Пятками по полу:
Ширк
Ширк
Пальцами по столу:
Шпок
Шпок
На подбородке подрагивает жилка.
Сижу над квадратной доской
как шарик.
Как лысый ежик.
Обмусоленный коржик
в собачьей миске.
А сыграть – не с кем.
Пес
наотрез
отказался,
из вежливости повертел задницей
и убежал на улицу.
А мне бы в четыре руки,
по нотам:

черная дамка, белая,
черная дамка, белая,
ловко вплетая в шашечное пано
звуки
домашнего улья –
вот в подъезде подвывает кобель,
вот чайник вскипает в позе лотоса.
А человеческого голоса
не слышно.
Страшно.
Сквозняк по коже.
Кажется, кряду две тысячи лет
хожу ва-банк:
черная дамка, белая,
белая дамка, черная.
И все ни по чем.
...Скрип двери в прихожей.
Ко мне, Банга!

* * *

По городу ходят прозрачные люди.
Не совсем невидимые,
но сквозь них отчетливо проступают
острые углы зданий,
сети оголенных веток,
на земле – кленовые конвертики,
на дорогах – реклама курортов в Дании.
И так странно,
если кто-то окликнет:
У-лю-лю!
Оглянись!
Обидно.
Думаю третий день:
А вдруг
ты тоже пройдешь неприметной массой?
А вдруг
таких, как ты, было немало?
Маску,
что ли, надень.

* * *

Выдуваешь губами пар
на пару
с люками на проезжей части,
слушаешь, как набухает воздух.
Воздух, который
станет птицей,
белой,
взъерошенной,
но сначала –
бездной
невысказанных и горьких.
Все потому, что болезненное горло,
Все потому, что под горлом – сердце.
Все потому, что под сердцем – голо.

Катаются тени с подлунной горки,
ветер следы на снегу качает.

А. III.

Пахнет белым левкоем,
а в комнате
маэстро,
склонившись над партитурой,
маленькой удочкой ловит звуки
с точностью до
всхлипа снежинки,
павшей на радужное стекло.
Тук.
Тук.
Тук –
слышится в горле,
на голые локти
капают тени,
тесно
сплетаются с пульсом.
Пущенный отголосок
родится светом
где-то над линией горизонта.
И сонные пальцы
щиплют воздух,
сдутый, как шарик второго утра.

* * *

Черным по белому глаз горит,
Черная сущность на белом дне,
Столь же странна, как Рене Магритт,
Столь же трудна – и еще трудней.

На перекрестке зеркал и снов
Я растворяюсь до черных дыр,
Черная тень отстает от ног,
Тянется кверху – и бьет поддых.

* * *

Поздненоябрьским утром
пренеприятно
просыпаться.
И вовсе не потому,
что в квартире – который год –
нет отопления.
И вроде не из-за лени.
А просто не хочется видеть
утрюмые патлы.
Глаза – такие тусклые,
что начинаешь
протирать зеркало: небось запылилось.
А за окном (не менее пыльным)
обугленный пень молодой чинары
и листик, к нему прилипший.

Но пуще не хочется видеть
все остальное,
потомков Ноя,
снующих один за другим,
как пустопорожние титры.
Воздушный шарик,
болгающийся в синеве.
И наш шарик – во тьме.
Опустите
мне веки.

* * *

В коридоре слепого отчаянья
Всякий раз обращаешься в слух.
Чья-то тень одиноко качается
На полу.

Чей-то голос скребется за стенами,
Что о ветер – засохший ковыль.
Чей-то меч нависает над теменем
Восковым.

Тусклой свечкой проход освещается,
Замираю у темной двери.
Коридор впереди превращается
В лабиринт.

* * *

Если музыкой –
красный след
по щеке,
по щепотке соли –
уже не горько.
Не железный год
– или век –
но Город,
где иллюзии,
как на счетчике,
нарастают
пластами
в колючий долг:
не заплатишь – отключат
от ноты «ДО»
до последнего стука
в запястьи.

* * *

У души своя выдержка
и крепость –
полуразрушенная,
Брестская.
Одно окно,
 глядящее слепо
на пустошь
вересковую.

Стены,
 давящие,
 не велящие
на ветру осинничать.
Сплошь покрытые щелями –
кожей гусиною.

Жалко только место – публичное,
рифмы – те еще папарацци.
Уходя, повешу табличку:
«На реставрации».

* * *

Он жил молча.
И не умел молиться.
Ему было нечего просить у Бога
и он позабыл Бога.
Так был утерян
сильнейший художественный образ.
Но это было совсем не страшно,
ведь искусство исчезло задолго до,
когда люди
перестали нуждаться в последнем прибежище.
Сохранились устные сказания
о Средневековье,
раннем и позднем.
Но и они мало кого занимали.
А земной шар был такой маленький!
И Вселенная – тоже.
Казалось,
протяни руку – и коснешься солнца,
хотя солнце давно кончилось.
Остался свет.
А потому не было ночи.
...Раз в семь лет
он творил нового человека

и понимал, что это – хорошо.
И всем было хорошо.
Только нас с тобой уже не было.
Как хорошо, что нас не будет!

* * *

Перевернутый мир хрупок:
кинешь камушек – и пойдет кругами.
А кто-то его – сапогом.
Нарушится равновесие,
весело
задрожат неокрепшие крыши,
рыжие
лиственные погоны.
И снова – чисто.
А по эту сторону темь и ругань.
И тоже – кругом.
Кольцом удавим,
давным-давно на перст надетым.
Поддеть бы
тоненькую пленку – и раствориться.

* * *

В сумке – снежинки и сказки Гоцци,
всуде – помянешь ушко иголье
и неприступное божье царство.

Спрячешься в норку – и будешь счастлив,
Спрячешься в строчки – и будешь частью
тех беззастенчиво безучастных,
тех, существующих параллельно.

Между озябших еловых веток.
Между фонариков новогодних.

* * *

Звук становится светом, если
вместо гаммы выводишь спектр.
Пихты – это немного ели.
Море – это немного пена.

Пепел был бы цветнее, кабы
сквозь него прорастали маки.
Мекка – это уже Кааба.
Точка – это уже прямая.

* * *

И Город спал.
Лишь сальные бороды аксакалов,
кололи его макушку,
как горло – пушок перезревшей айвы.
И вдоль дорог
лохматые горгоны на сморщенных стволах
ласкали голыми пятками воду,
случайно пролитую с неба.
Баня на Старомосковской
– или, скорее, ее останки –
стонала
призрачными парами и ведрами.
Миг – и все стихнет.
Только запах хны от волос
останется.

* * *

Над тенью тринадцатого трамвая
темные изваяния
несут на высохших пальцах
панцирь
сонного неба -
не суть важно куда.
Кудахтанье ржавых колес
отражается в тишину,
как по леске,
стекает
в нишу сознания.
Кривизна очертаний
тающих предметов
с таврической неизбежностью
смешивается с пустотой.
А за углом
маленький стоик с безумным взглядом
ловит свет
иллюзорными ладонями.

* * *

Целый день разгребаю бумажки
Достаточно шустро
расставляю акценты:
акме...
футурум...
имаже...
И, что более ценно,
пишу стихи,
хорошие и не очень.
А ночью
бессонница.
Не спасают вчерашняя пресса
и фильмы Бессона.
Бренчу на гитарных спицах:
«СОЛЬ»
«СОЛЬ»
«ДО» –
...на краюшке дешевого хлеба...
...на измазанных тушью ресницах...
...а в словах – пресно...

СЛУЧАЙ В СТОЛОВОЙ

Как в приторном смысле проточное слово,
Вода растворилась в вишневом варенье,
Висели баранки в безвкусной столовой
Над розовым профилем рыбы-морены.

«О мори мemento!» – сказал ты в полтона,
В полтопота такт отбивая под стулом,
Постукивал где-то железный поддонник
О тонкую водопроводную струйку.

Ступеньки в столовке вели в бесконечность,
Конечно, в нее – а куда же иначе?
И ты мне открыл, что платить тебе нечем
И что это тоже чего-нибудь значит.

* * *

Как от пролившейся воды –
на дым
хранилища Акаши,
но каждый сам:
по нотам и фонемам,
немой,
как безразличный абсолюте,
нащупывает узкую лазейку.
На кофе бумазейной –
стрекоза
отсвечивает крылышком
без блеска,
и меж прожилок римские календы
и мартобри.
А впереди –
обритый небосвод,
неряшливо висит над горизонтом.
И стиснув – на двоих –
дырявый зонтик:
(другого нет),
ты говоришь: Ля Ви,
моя жестянка ...
Капельки стекают
и мне наивно слышится:
Лови!

* * *

В пустой двухкомнатной квартире,
ветшают светлые обои,
под ними – плесень на стене.
А на обоях нарисован
кривой чернильный человечек.
он на арбуз чуть-чуть похожий,
он расплывается с годами,
но улыбается, как будто
вчера истек из-под пера.
А может – ну их, в самом деле?
А может – ну их всех трехмерных!
Пока не выцвел человечек,
я с новой шариковой ручкой
в его альков переселюсь.

* * *

И зонтики снова текут по городу
в дурацких узорах и серых каплях,
как пышные цапли
в осенней жиже.
Меж ними хмуро бредут карнизы,
а снизу – ржавые подоконники,
и мелкие кони,
конечно, кони,
их топчут остренькими копытами.
Но ты не пытайся постичь сансару
и мелкую завязь солярных символов
в бензиновых кольцах на топких улицах,
печальных подтеках на грязном мраморе
и выгнутых бровках амуров бронзовых.
А просто ссутулься,
как будто вызубрил
все правила вузовской геометрии,
и сядь под омелу в роденовской позе
лицом к ойкумене и против ветра.

* * *

И создал ты
из фантомов света
маленького жирафа
или датского кролика,
(что, впрочем, одно и то же)
тощего и смешного,
как плюшевая игрушка.
И было грустно.
Ведь еженощно умирали
над фонарями тысячи ворсинок,
способных стать
любим определеньем.
А мы варганили поделки –
не крепче шарика из оригами,
как будто раз они наощупь,
то и взаправду существуют.

НЕЯПОНСКИЕ СТИХИ

Только рождаются – и в землю:
салютом-сквозь-сито.
И так целую вечность
ветер снежинки бросает.

* * *

Как ночь меняет очертания!
На всю аллею – одно оранжевое дерево.
Как в детстве.

* * *

В зарослях паутины
золотой паук
украдкой подмигивает ветру -
Ветки в фонарном свете.

В ОЖИДАНИИ СТИХА

Помолилась – все.
В сумерках ели нахохлились,
слушая хокку дятла.
Брошу крошки на подоконник –
кони съедят.

* * *

Звезда прошмыгнула в снежное месиво –
месяц с огрызком сыра спутала.
Стало темнее:
тени желаний затрепетали.

* * *

Своды нагнулись.
На грузной ветке
крошечная ворона
робко с дождем калякает:
клякса
меж строчек
метеосводки.

В ДЕТСКОМ ПАРКЕ

Пока в кормушке у полоза
выщелкивает реквием сверчок,
а черный филин,
как циклоп,
хлопает желтым глазом,
ты слушаешь странные гласные
старенького кларнета.
Нет ли
в унылом парке
такого звука,
чтоб закачалось тело,
что ловкий мячик,
скачущий
между прозрачных стенок?
Тень от ресниц
притаилась
на смуглой скуле.
Я куплю для тебя
очень тонкую леску,
и в альков карусельный
забившись с лимонным пломбиром,

в четыре руки
мы нанижем сквозные герцы
от слияния губ
до сближенья
планетных осколков
и над сдобой блеснувших
колец имбирных.

* * *

Кажется, осень?
Кажется, очень
черным по синему выписан крендель,
красным по серо-
зеленому крендель
над козырьком обрусевшего сэра,
над мокасинами из вельвета.
По-левитански прибудет январь
– хуже, чем поезд –
притопчет, приглушит,
перечеркнет небезгрешную
повесть
об ипостаси, которой и нет
вовсе,
по крайней мере, снаружи,
с нашего бока, по крайней мере.
... Станешь на печке уныло емелить –
Сон не убудет, зевай-не зевай.

* * *

Ты в карты гадаешь на кукольный домик
с медовым карнизом под млечною далью,
Ладьей костяной вместо стража седого
и перечнем прочих наивных деталей.

Там девочка спит, завернув в одеяло
алеющий свет над густой вереницей
корабликов вдоль городского канала
Харлема, Варшавы, Венеции, Ниццы.

Кривится забытый в углу? в упокое?
копеечный клоун из желтого шелка.
Заблудшая муха в проеме оконном
Зудит и рядится в разбухшую щелку.

* * *

А ребенок живет в облаках
и калякает странные знаки
на изнанке ковра,
в узелки заплетая шарады.
Мальчик что-то решает,
но он слишком мал и наивен,
ему снятся веселые ивы и красные каллы.
Он чихает от пыли,
пыльцы
и шерстинок, снующих в тумане,
теребит на себе непомерно широкую кофту
и не знает:
Куда закатился голубенький шарик?
И все шарит кругом,
и не может сыскать.
и обиженно хнычет.

СОДЕРЖАНИЕ

Маленькое чудо.....	3
«Мальчик, скользящий по линии света...»	5
«Шорты в заплатах, травинка за ухом...»	6
«Проснешься – молочница звякнет крынкой...»	7
«Пыль на тахте, на тарелке...»	8
«Облака над домами – тепло и томно...»	9
«Из дому под вечер...»	10
«В кухне запахло тоской и настурцией ...»	11
«Купила шашки на барахолке, в пятницу...»	12
«По городу ходят прозрачные люди...»	14
«Выдуваешь губами пар...»	15
«Пахнет белым левкоем...»	16
«Черным по белому глаз горит...»	17
«Поздненоябрьским утром...»	18
«В коридоре слепого отчаянья...»	19
«Если музыкой красный след по щеке...»	20
«У души своя выдержка и крепость...»	21
«Он жил молча...»	22
«Перевернутый мир хрупок...»	24
«В сумке – снежинки и сказки Гоцци...»	25
«Звук становится светом, если...»	26
«И Город спал...»	27

«Над тенью тринадцатого трамвая...».....	28
«Целый день разгребаю бумажки...».....	29
Случай в столовой	30
«Как от пролившейся воды ...».....	31
«В пустой двухкомнатной квартире ...».....	32
«И зонтики снова текут по городу ...».....	33
«И создал ты из фантомов света ...».....	34
«Только родятся – и в землю ...».....	35
«В зарослях паутины золотой паук ...»... ..	36
Вожидании стиха.....	37
«Звезда прошмыгнула в снежное месиво ...».....	38
«Своды нагнулись, на грузной ветке ...».....	39
В детском парке.....	40
«Кажется, осень ...».....	42
«Ты в карты гадаешь на кукольный домик ...».....	43
«А ребенок живет в облаках ...».....	44

Литературно-художественное издание

АЛИНА ДАДАЕВА

В УЗЕЛКИ ЗАПЛЕТАЯ
ШАРАДЫ

Стихи

Редактор *А. Устименко*

Художник *О.Казаков*

Художественный редактор *А. Мамасолиев*

Техник редактор *Н. Сувонов*

Издательская лицензия №181 от 08.12.2011 год.
Разрешено к печати: 20.01.2014 г. Формат: 70x90 ¹/₃₂.
Офсетная печать. Гарнитура «AgroPro». Условно
печатный лист 1,5. Учетно-издательский лист 1,2. Тираж
10 000. Заказ № _____

Издательство «Adib» Союза писателей Узбекистана.
100128, Ташкент, ул. «Узбекистанская», д. 16-А.
Тел: (371) 245-89-24.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк», 100000, г. Ташкент,
ул. Буюк Турон, 41.